

должно показать нам то, что должно быть» (с. 246).

Характерный для Перцова интерес к современной русской поэзии, к сочетанию в ней философского начала и лирической интонации проявился уже в первом критическом отклике — библиографической заметке о сборнике Я. П. Полонского «Вечерний звон». В последующие годы размышления о творчестве отдельных авторов (от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова до А. Н. Майкова и А. А. Фета) и судьбах русской поэзии в целом станут одним из магистральных сюжетов его критики (и не только в «Волжском вестнике»). Но именно в казанской газете прозвучала примечательная мысль об ответственности критики перед читателем (с. 249–250).

Перцов не ограничивается поэзией: читатель «Волжского вестника» получает регулярные обзоры столичной периодики («Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство», детские журналы и др.) и театрального репертуара Казани. В своих «обозрениях» молодой критик дает не только оценки (порой весьма иронические), но и рекомендации. Так, он советует родителям обратить внимание на проанализированные им издания для детей (с. 33–40), театрам — на выдающиеся, по его мнению, постановки пьес Г. Ибсена и Г. Зудермана (с. 238).

Привлекают внимание Перцова новинки современной русской прозы. Он живо реагирует на выход рассказа В. Г. Короленко «Подкидыш». Появление этой небольшой книжечки становится для него поводом для серьезных размышлений и о народности в литературе, и о том, кто и как должен разговаривать с широкой аудиторией. Демонстрирует критик осведомленность в перипетиях столичной литературной жизни: высказывая удовлетворение по поводу выхода третьего сборника рассказов В. Н. Гаршина, он

сетует на то, что сборник несколько лет «пролежал» в ожидании разрешения тяжбы между наследниками (с. 41).

В равной степени интересны Перцову Чехов-беллетрист и Чехов-драматург. К его творчеству критик обращается практически постоянно, реагируя и на чеховские публикации в журналах, и на выход отдельных изданий. При этом оценки не всегда однозначны: в них проявляются рудименты народнической критики 1880-х годов — Перцову не хватает у Чехова деятельного героя, позитивной программы с установкой на светлое будущее. В этом смысле для него ущербны и заглавный герой пьесы «Иванов» — «обыкновенный тип *уставшего человека*» (с. 93), и персонажи чеховской прозы («Дуэль», «Соседи»). Но все эти «пробелы», по мнению критика, компенсируются несомненным и ярким талантом Чехова (с. 194).

Знакомство с литературно-критическими публикациями Перцова в «Волжском вестнике» позволяет сделать вывод о том, что молодой критик сумел воссоздать на страницах газеты объективную картину движения русской словесности первой половины 1890-х годов. В числе современных писателей, вызвавших его интерес, — Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Г. Ибсен, Н. Г. Гарин-Михайловский, Н. Н. Златовратский, С. Я. Надсон и др. Для Перцова «Волжский вестник» был своеобразной школой, а полученные в ней уроки повлияли на его становление и дальнейшее развитие как профессионального критика.

В заключение выразим надежду, что рецензируемая книга — только часть большого проекта, целью которого является представление творческого наследия Перцова во всей его целостности. Решение подобной задачи — важный шаг в деле создания полной истории русской литературной критики второй половины XIX — первой трети XX века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-257-259

© А. М. Грачева

О ПРАГМАТИКЕ РАЗУМА И ВЕРЕ В ЧУДО: МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ВОСТОК*

Монография О. В. Шуган начинается с фразы, которая сразу же подчеркивает сложность научной задачи, стоявшей перед исследователем: «Горький и Восток — тема далеко не новая в литературоведении» (с. 9). Во Введении автор кратко обозначает вехи изучения заявленной темы в горьковедении 1940–2010-х годов. Из лапидарного анализа содержания основных монографий и статей можно сделать

все тот же вывод, который во многом характерен для исследования разных аспектов деятельности и творчества М. Горького: долгие годы изучение темы «Горький и Восток» было тесно увязано с менявшейся, но всегда присутствовавшей политической ангажированностью трактовки наследия писателя. Только с 1990-х годов направленность трудов, посвященных этому вопросу, сместилась в сторону историко-литературного анализа, освещения ранее табуированных аспектов, объективного представления общественной позиции Горького и ее эстетиче-

* Шуган О. В. Восток в жизни и творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 438 с.

ской рецепции в произведениях, по своей идеологической направленности далеко не всегда совпадавших с платформой наиболее родственной ему партии.

Книга Шуган состоит из Введения; трех глав: «Восток в русской культуре, литературе и философии конца XIX — начала XX веков», «Восток в восприятии М. Горького» и «Восток в художественном мире М. Горького»; Заключения и Приложения.

Первая глава учитывает и во многом обобщает горьковедческие исследования последних десятилетий, ставящие фигуру Горького не *над*, а *в* русло общественно-философских и эстетических процессов русской культуры периодов Серебряного века и 1920-х годов. Шуган рассматривает соотношение взглядов писателя с появлением в русской философской и общественной мысли таких вариантов давнего спора сторонников «европоцентризма» и «восточничества», как скифство и евразийство. В настоящее время в горьковедении есть достаточное количество серьезных научных исследований отдельных аспектов этой проблемы. Достоинством подхода Шуган является не только сведение воедино выводов многочисленных научных работ по данному вопросу, но и целостное осмысление всех граней этой, казалось бы, уже достаточно освещенной темы. Особого внимания заслуживает основанный на архивных материалах раздел «Восточная Коллегия „Всемирной литературы“». Журнал „Восток“ (1922–1925). В нем исследовательница показывает, как негативная позиция «западника» Горького опровергается им же самим в реальной практике его издательской деятельности начала 1920-х годов, когда он включает в состав «Всемирной литературы» Восточный отдел и активно участвует в обсуждении планов его работы. «Задачей масштабного издательского проекта, — пишет Шуган, — было приобщение памятников Востока в сознании русского читателя к мировой литературе» (с. 120).

Вторая глава «Восток в восприятии М. Горького» является центральной и наиболее значимой частью монографии. Не вполне удачной представляется формулировка названия, поскольку оно лишь частично отражает все аспекты содержания. Фактически глава посвящена проведенному на материале общей темы монографии исследованию такого фактора, существенного для определения сути индивидуальности Горького, как противоречивое соединение в нем творческой личности, эмоционально подвижной, склонной к вере в свои фетиши (Человек, Разум и др.), и общественного, а также политического деятеля, во многом прагматика и конформиста. Исследовательница впервые целостно рассматривает отношение Горького к событиям, имевшим место в Азии, Африке, восточных и дальневосточных окраинах Российской империи в промежутке с конца 1880-х до 1936 года. Глава базируется на комплексном анализе материалов журналистской и публицистической деятельности писателя, его эпистолярная и сохранившихся мемуарных

свидетельств современников. На этой основе выявляется позиция Горького по тем или иным значимым политическим вопросам, связанным с политикой России и западных стран применительно к государствам и народам, объединяемым широко трактуемым понятием «Восток». Текст построен на изучении сохранившихся откликов Горького на такие значимые исторические события, как «боксерское восстание» 1899–1901 годов, русско-японская война 1904–1905 годов, китайская Синьхайская революция 1911–1912 годов, младотурецкая революция 1910–1911 годов, Первый съезд народов Востока 1920 года, захват Японией северо-восточной территории Китая в 1932 году и др. Надо отметить, что тема изучения реакции писателя на те или иные факты современной истории Востока уже возникала в трудах горьковедов, а также в комментариях к его письмам. Однако целостное и объективное исследование взглядов Горького на «восточный вопрос», научное обоснование динамики смены его общественно-политической позиции по отношению к данной теме, рассмотренное в масштабе всей жизни писателя, предпринято впервые. «Западничество» Горького наиболее ярко, как известно, проявилось в годы Второй русской революции, когда писатель выступал против отступления России от заветов европейского гуманизма, видя основы для культурного строительства в следовании по пути «западной цивилизации». По свидетельству исследовательницы, «неприятие Горьким восточного „маршрута“ революции ярко проявилось в его отношении к Первому съезду народов Востока» (с. 182). Проведенный Шуган анализ восприятия писателем практического и символического значения инспирированного большевиками бакинского мероприятия новаторский и актуальный. Его историсофское и практическое значение обсуждалось литератором в петроградских разговорах с жившим у него на квартире Г. Уэллсом, впоследствии отразившим горьковскую «востокобоязнь» в своем произведении. «В книге „Россия во мгле“, — отмечает исследовательница, — есть строки, прямо посвященные Горькому. Описание съезда Уэллс заканчивает комментарием Горького, на которого бакинский съезд произвел „удручающее впечатление“: „Его преследует кошмар — Россия, обращенная на Восток <...>. Кажется, я и сам заразился от него этим гнетущим чувством.“ Уэллс воспроизводит фразу из майского письма Горького, в котором он признался: „Для меня лично этот вопрос становится кошмаром“» (с. 193).

Анализируя дальнейшую эволюцию взглядов писателя касательно обращения России на Восток, Шуган прослеживает ее на примере горьковской переписки с Р. Ролланом. Как установлено исследователями, в 1930-е годы у Горького по отношению ко многим вопросам произошла переоценка ценностей. В их число вошла и его «востокобоязнь». На примере очерка из цикла «По Союзу Советов» (1928–1929), посвященного советскому Баку, автор монографии выявила соответствующее «новым време-

нам» стремление писателя выполнить «социальный заказ» — показать образцовый социалистический город, в котором решены все национальные проблемы. Однако Шуган пишет, что Горький-художник вступает в конфликт с Горьким-пропагандистом материализованной мечты об идеальном государстве, каким представлял Союз Советов. Исследовательница отмечает: «Есть „заказанное“ упоминание об интернационализме рабочих: семьи тюрков живут бок о бок с русскими. Горький рисует светлое будущее, но оказывается, что в социалистическом „раю“ национальностей вообще не будет <...> Такой прогноз потери национального лица и превращения людей из „военного лагеря“ в однообразную массу уже сродни антиутопии Оруэлла» (с. 233). Далее Шуган приходит к выводу, что в 1930-е годы писатель отошел от художественного и публицистического исследования судьбы России как страны, стоящей между Востоком и Западом, в котором на протяжении долгих лет он видел хранителя культуры и цивилизации, и обратился к утопическим мечтам о совершающемся у него на глазах чуде — создании нового человека-интернационалиста.

Третья глава посвящена всестороннему отражению Востока в творчестве Горького. Надо отметить, что этот аспект общей темы монографии неоднократно рассматривался в горьковедении, в связи с чем на современном этапе очень трудно найти какие-то новые повороты, еще не освещенные в трудах специалистов по творчеству пролетарского писателя. Однако Шуган осознанно включает в свою книгу и этот ракурс изучаемой ею темы, хотя в этой главе она во многом следует за своими предшественниками. Так, к примеру, она развивает и дополняет новыми примерами концепцию М. Нике¹ о горьковском понятии «азиатчина». Эта

глава представляет собой наименее удачную часть монографии. Шуган последовательно, по хронологии, рассматривает художественные тексты Горького, анализируя как творения писателя на «восточную тему», так и отразившие эту тему произведения о современности. Возможно, исследовательнице надо было бы более развить лишь тезисно высказанные ею оригинальные мысли о многофункциональной роли ориентализма в горьковской поэтике. Однако необходимо отметить, что включение третьей главы в контекст монографии оправдано. В составе единого метатекста изложение этого аспекта темы «М. Горький и Восток», даже при том, что отдельные сюжеты уже многократно освещались в горьковедении (например, вопрос о противоборстве «восточного» и «западного» начал в русской душе), является необходимой составляющей *целостного* рассмотрения поставленной проблемы.

В конце монографии помещено органичное и существенное Приложение — статья «Восточная коллекция М. Горького», рассказывающая о собранной писателем коллекции нецке. Завершает книгу тщательно подобранный комплекс иллюстраций.

В заключение можно сделать вывод о том, что монография Шуган представляет собой заметное научное явление в исследовании творчества Горького. Опираясь на лучшие, достигнутые на протяжении долгих лет существования горьковедения историко-литературские и комментаторские традиции изучения наследия писателя, Шуган обогащает их новыми научными находками, представив свою, современную и целостную концепцию рассмотренной темы. В конце книги автор указала на перспективы дальнейших исследований: «Сегодня Россия повернулась лицом к Востоку <...> Образно говоря, у Горького было гораздо „больше Востоков“. Исследовать их — задача будущего» (с. 350). Подготовленная Шуган капитальная монография «Восток в жизни и творчестве М. Горького» является значительным и уже свершившимся этапом движения науки к достижению этой цели.

¹ Nigueux M. L'«asiatisme» chez Gorki. Histoire d'un mythe // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire / Rassemblés par D. Dykman et J.-Ph. Jaccard. Lausanne, 1995. P. 283–292.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-259-261

© О. Е. Осовский

ОТ ВСЕОБЩЕЙ К ВСЕМИРНОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР*

Появление рецензируемой монографии — еще одно свидетельство растущего интереса к советским литературным практикам у пред-

ставителей самых разных дисциплин (от теории и истории литературы до переводоведения, постколониальных и диаспоральных исследований). Ученые из Великобритании, Гер-

* World Literature in the Soviet Union / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury and R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p.

(Studies in Comparative Literature and Intellectual History).

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

**О ПРАГМАТИКЕ РАЗУМА И ВЕРЕ В ЧУДО:
МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ВОСТОК****ON THE PRAGMATICS OF REASON AND BELIEVING IN MIRACLES:
MAXIM GORKY AND THE ORIENT**

[Рец. на:] *Шуган О. В.* Восток в жизни и творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 438 с.
[Review:] *Shugan O. V.* Vostok v zhizni i tvorchestve M. Gor'kogo. M.: IMLI RAN, 2023. 438 s.

Олег Ефимович Осовский

главный научный сотрудник Мордовского государственного
педагогического университета им. М. Е. Евсевьева

Oleg Efimovich Osovskii

Chief Researcher,
Mordovia State Pedagogical University

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

**ОТ ВСЕОБЩЕЙ К ВСЕМИРНОЙ:
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР****FROM UNIVERSAL TO GLOBAL LITERATURE:
SHAPING THE CONCEPT OF WORLD LITERATURE IN THE USSR**

[Рец. на:] *World Literature in the Soviet Union* / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbery and R. Djag-
alov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p. (Studies in Comparative Literature and Intel-
lectual History).

[Review:] *World Literature in the Soviet Union* / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbery and R. Djag-
alov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p. (Studies in Comparative Literature and Intel-
lectual History).